

Ли Линъюэ, услышав это, обняла Шангуань Ваньэр за талию и усадила её на свои колени, награждая поцелуем. То, что Ли Сянь будет низложен вскоре после восшествия на престол, не стало для неё неожиданностью, но она всё же не испытывала радости. Её радовало то, что Шангуань Ваньэр, даже когда Ли Сянь стал императором, не проявила к нему ни малейшего интереса, заботясь только о её безопасности и сопротивляясь приказу матери сблизиться с Ли Сянем, чтобы выведать информацию.

Обнимая её ещё крепче, Ли Линъюэ прижалась к её волосам, нежно поглаживая их.

— Ваньэр, седьмой брат был лишён трона матерью. Если даже императора можно свергнуть, значит, её жажда власти становится всё сильнее. В будущем не противоречь ей, а если она станет тебя притеснять, сначала уклоняйся, а я помогу тебе. Недавно я приказала вырастить почтового голубя, завтра принесу его тебе. Если что-то случится, отправь его ко мне.

— Хорошо.

Шангуань Ваньэр, уютно устроившись в объятиях Ли Линъюэ, улыбнулась.

Ли Линъюэ смотрела на красные ворота, за окном виднелся величественный дворец. Она думала: седьмой брат низложен, восьмой взойдёт на трон, и теперь настало время, когда она сможет многого достичь.

«Прости, седьмой брат, в этой жизни я не позволю тебе вернуться».

Ли Линъюэ обняла свою возлюбленную, и на её лице появилась улыбка.

Через несколько дней Ли Сянь, лишённый титула Лулин-вана, был сослан из Чаньяня в Цзюньчжоу. На прощание ему осталась лишь одна повозка, в которой поместились скудные пожитки, маленькие дети, одинокий принц и беременная жена.

Провожających было ещё меньше. Члены семьи Ли, боясь вызвать гнев вдовствующей императрицы, все избегали встречи. Из тех, кто пришёл, была лишь Ли Линъюэ, чьи чувства оставались загадкой, и несколько чиновников, также сосланных за верность Ли Сяню.

Ли Сянь усадил детей и жену в повозку, затем, обернувшись, увидел сестру, стоящую поодаль с выражением жалости на лице. Он подошёл к ней и, смотря на неё с невыразимой сложностью в глазах, произнёс:

— Аюэ.

— Седьмой брат.

Ли Линъюэ тихо позвала его.

Ли Сянь вздохнул.

— Иногда я тебе завидую. Мы дети одной матери, но тебе повезло больше.

«Повезло? В прошлой жизни её возлюбленный погиб от рук матери, а в этой жизни любимая женщина рядом с ней, но она не может дать ей должного положения. Разве это удача?»

На лице Ли Линъюэ появилась насмешливая улыбка. Она посмотрела на Ли Сяня и сказала:

— Седьмой брат, а ты уверен, что удаление отсюда не к лучшему?

Ли Сянь слегка опешил, но Ли Линъюэ, улыбнувшись, успокоила его:

— Беда может обернуться благом, седьмой брат, не переживай. Если будет возможность, я попрошу мать увеличить твоё содержание, чтобы ты мог жить как свободный принц.

— Свободный принц...

Ли Сянь горько усмехнулся. Лучше быть свободным принцем, чем одиноким императором. Он взглянул на единственного родственника, пришедшего проводить его, и в его сердце потеплело.

— Спасибо, что помнишь обо мне, Аюэ.

Улыбнувшись ей, он вернулся в повозку.

Копыта лошадей стучали по жёлтому песку, постепенно удаляясь, размывая пейзаж по обеим сторонам. Ли Линъюэ смотрела на повозку, покидающую центр власти, и на её лице смешались радость и печаль. Она не могла понять, зачем пришла сюда, чтобы проводить несчастного седьмого брата, хотя в её сердце уже зародилось желание самой стать императрицей.

«Неужели она всё ещё привязана к семейным узам?»

Ли Линъюэ усмехнулась.

□

Ли Дань, в отличие от Ли Сяня, был более осмотрительным. Взойдя на трон, он заявил, что увлечён только музыкой, шахматами, каллиграфией и живописью, не вмешиваясь в государственные дела. Вдовствующая императрица У смогла перейти от управления страной из задних покоев к совместному правлению с нынешним императором, почти полностью захватив власть.

Когда Ли Линъюэ пришла к матери, чтобы выразить почтение, она застала её сидящей за столом, слегка опёршись на лоб, видимо, уставшей от чтения докладов.

— Ма...

Шангуань Ваньэр только открыла рот, как Ли Линъюэ поднесла палец к губам, призывая её к тишине. Шангуань Ваньэр сомкнула губы, улыбаясь и глядя на Ли Линъюэ.

Ли Линъюэ улыбнулась ей, тихо подошла к трону, сняла верхнюю одежду и осторожно накрыла ею мать.

Вдовствующая императрица У, хотя ей уже было под шестьдесят, всё ещё была бдительна. Как только одежда коснулась её плеч, она открыла глаза и резко оглянулась, но, увидев кроткую дочь, смягчилась и ласково сказала:

— Аюэ, ты пришла.

Ли Линъюэ поклонилась.

— Мама.

— Проводила седьмого брата?

Императрица взглянула на одежду на своих плечах, её взгляд стал ещё мягче.

Ли Линьюэ кивнула.

— Да.

Императрица, казалось, не была этим раздражена, но в последнее время её беспокоили дела, и её виски пульсировали. Она подняла руку, чтобы помассировать их. Как только рука опустилась, нежные пальцы Ли Линьюэ коснулись её висков, и она начала массировать их, что принесло облегчение. Императрица наслаждалась заботой дочери, постепенно закрывая глаза, но через мгновение услышала её голос, доносящийся до уха:

— Мама, я хочу поговорить с тобой.

Неужели эта девочка что-то задумала? Императрица открыла глаза и приказала слугам удалиться, но её взгляд остановился на лице Шангуань Ваньэр. Ли Линьюэ вовремя заговорила:

— Мама, пусть Ваньэр останется, чтобы ухаживать за тобой.

Императрица нахмурилась, но всё же согласилась, махнув рукой, чтобы Ли Линьюэ остановилась. Та послушно убрала руку и, склонившись, встала перед матерью:

— Мама, в последнее время меня мучают кошмары, я чувствую беспокойство. Мои предсказания говорят, что в Великой Тан произойдут некоторые события, но, к сожалению, мои способности слишком слабы, чтобы точно определить время.

— В Великой Тан произойдут события?

Императрица опустила глаза на горячий чай, поданный Шангуань Ваньэр, и, приняв его, спросила, как будто ничего не случилось:

— Ты предсказала, что кто-то хочет мне навредить?

Ли Линьюэ сжала губы, с беспокойством глядя на мать, и заботливо сказала:

— Да. Я предсказала... предсказала...

Собравшись с духом, она продолжила:

— Ли Цзинье и другие члены клана Ли поднимут восстание, используя имена двух старших братьев.

После этих слов она опустилась на колени и умоляла мать:

— Мама, мои братья лишь использовались, они не участвовали в заговоре. Пожалуйста, не наказывай их, просто будь осторожна с Ли Цзинье и его сообщниками.

Шангуань Ваньэр была ошеломлена. Она знала, что низложение императора вызовет недовольство, но она не ожидала, что Ли Линьюэ скажет об этом императрице. Но что бы Ли Линьюэ ни сделала, она не возражала, даже если это было что-то ужасное, она стояла бы на её стороне, поддерживая и помогая ей.

Украдкой наблюдая за выражением лица императрицы, Шангуань Ваньэр спокойно наливала

чай в пустую чашку, когда императрица спросила:

— Тогда как, по-твоему, мне следует быть осторожной с ними?

Ли Линьюэ, глядя на невозмутимое лицо матери, немного подумала и ответила:

— Я ещё молода, и мои мысли не так глубоки, как у тебя. На мой взгляд, самый надёжный способ — это иметь армию, преданную тебе, которая, как только заметит их заговор, уничтожит их.

— О? Кого ты считаешь подходящим военачальником для этой армии? Су Мучжэнь?

Императрица взглянула на слегка ошеломлённую дочь и улыбнулась.

— Садись, Аюэ.

Она посмотрела на Шангуань Ваньэр, которая с беспокойством стояла рядом, и та сразу поняла, подошла и помогла Ли Линьюэ подняться, усадив её рядом с собой.

Рука Шангуань Ваньэр легла на руку Ли Линьюэ, и они сели, тесно прижавшись друг к другу. Ли Линьюэ вдруг почувствовала, как её сердце смягчилось. Спокойно глядя на мать, она ответила:

— Мама, Мучжэнь действительно подходит. Она женщина, и если мужчины узнают о её положении, её лишат должности, а может, даже жизни. Ты можешь ей доверять.

Императрица смотрела на эту пару, наблюдая, как их руки скрыты под столом, и с лёгкой усмешкой сказала:

— Су Мучжэнь — женщина, и если её обнаружат во время подавления мятежа, это подорвёт моральный дух армии. Как быть тогда?

Ли Линьюэ, казалось, уже ожидала этого вопроса, и спокойно ответила:

— Это и есть вторая вещь, о которой я хотела поговорить. Я хочу, чтобы ты открыла женское училище.

Императрица задумалась и спросила:

— Ты хочешь, чтобы женщины вошли в правительство?

Ли Линьюэ кивнула.

— Да.

— Нелепость!

Императрица возмутилась, на её лице появилась тень гнева. Хотя она сама подняла статус матери, она не считала, что все женщины заслуживают её власти. Первый человек в истории всегда немного высокомерен, и У не исключение. Она не считала, что другие женщины достойны и способны войти в правительство, но Ли Линьюэ хотела её убедить.

— Мама, разве ты не чувствуешь отвращения, глядя на этих мужчин в правительстве?

Ли Линьюэ мягко сказала.

Но она получила лишь холодный взгляд императрицы:

— Рядом со мной нет прекрасных дам, зачем мне их ненавидеть?

<http://bllate.org/book/17694/1651827>